

ЧУЖИЕ СНЫ

Читайте в серии «ЧУЖИЕ СНЫ»

Цикл про Алису и Олега

- Леди-кошка
-
- Цирк кошмаров
-
- Охота Снежной королевы
-
- Ромео стоит умереть
-
- Повелитель снов

Цикл про команду охотников за артефактами

- Владыка времени
-
- Секира Перуна
-
- Город-невидимка
-
- Ловец теней
-
- Зов Морского царя
-
- Ловушка на мага
-
- Путешествие в бездну

Екатерина НЕВОЛИНА

ВЛАДЫКА ВРЕМЕНИ

Москва
2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н40

Оформление серии и иллюстрации *А. Клементьевой*

Фотография автора *О. Фоминой*

Неволина, Екатерина.
Н40 Владыка времени : [роман] / Екатерина Неволина. —
Москва : Издательство «Э», 2015. — 320 с. — (Чужие
сны).

ISBN 978-5-699-80282-1

Они не похожи на обычных людей. Их жизнь засекречена, ведь они охотники за артефактами — предметами, обладающими особой мистической силой. Любовь и прочие эмоции для них под запретом. Их первое серьезное задание — найти легендарную Либерию, библиотеку Ивана Грозного и спрятанную в ней бесценную Велесову книгу. Написанная самим языческим богом, книга несет как добро, так и величайшее зло.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Неволина Е., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Э»,
2015

ISBN 978-5-699-80282-1

Мы встретимся там, где схлестнутся ветра,
Мы встретимся там, где уголья костра,
Где небо застыло во мраке пруда,
Где пламя и лед, где огонь и вода.
В стремнине времен и на лезвии дня —
Мы встретимся там, где не будет меня.

Над ночной Москвой бушевала гроза. Казалось, Господь решил, что семи тысяч семидесяти девяти лет вполне достаточно для существования сотворенного Им мира. Ветвистые молнии раскалывали небо, на мгновение заливая все мертвенно-белым светом. Поверхность реки вскипела от обрушивающихся на нее струй воды. Улицы превратились в бурлящие речки, а переулки в ручьи. Люди за стенами боярских теремов и простых кособоких избенок со страхом прислушивались к гневу стихии, благодарили Господа за то, что находятся под крышей, и молились, чтобы миновал их Гнев Господень, не ударила в дом стрела огненная. Все сравнились перед безумием природы: богатые и бедные, щедрые и скупые, добродушные и злые.

Стрельцы, стоявшие у Боровицких ворот, пережидали грозу, набившись в караульную комнату, и даже старый и строгий десятник не возражал, позволяя им это послабление.

— Разверзлись хляби небесные... — Он выкрутил насквозь промокшую шапку и принял из заботливых

рук подчиненных ковш с горячим сбитнем. — Как бы мост на реке не снесло.

Вдруг грянул оглушительный раскат грома. Неестественно сильный режущий порыв ветра ворвался в бойницу и сорвал пламя с факелов на стенах. Огонь в небольшой жаровне полыхнул, ослепив всех на мгновение, и испуганно погас. В наступившей тьме дверь караулки содрогнулась от ударов.

То, что стучали с внутренней стороны, из города, ничуть не успокаивало: кому-кому, а врагу человеческого крепостные стены не помеха.

— Отворяй! — раздался голос, больше похожий на рык, чем на человеческую членораздельную речь.

Кто-то ойкнул, кто-то выбранился по-черному. Федор, молоденький стрелец из ярославских поповичей, затащил псалом «Да воскреснет Бог...», залязгало железо сабель и бердышей¹.

— Отворяй!! — Дверь затряслась, как будто в нее ударили тараном.

— Тихо! — рявкнул десятник. — А ты, попович, продолжай свои молитвы.

Трясущимися руками старший извлек из металлической трубочки тлеющий трут. Нашел на ощупь пищаль, направив ее в сторону содрогающейся под ударами двери. Он был под Казанью и Дерптом, выжил под Судбищами, где кони ходили по баб-

¹ Бердыш — топор с широким лезвием, надетым на длинное древко.

ки в крови¹, и не боялся никого из живых. Но кто же приходит такой ночью и требует отворить ему двери?

— По моему знаку... — скомандовал десятник, затем негромко лязгнул хорошо смазанный засов.

Дверь распахнулась. Вспышка молнии озарила комнату и того, кто стоял на пороге. Охнул и перестал читать псалом Федор, а старший не знал, стрелять ему, креститься или встать навывтяжку.

Перед стрельцами предстал думный дворянин, верный человек государев Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский, более известный как Малюта. Мокрый до нитки, под черным налатником тускло мерцают пластины юшмана². В бледном свете молнии его кожа отливала синевой, а лицо показалось десятнику раздутым, как у утопленника.

— Отворяй! — уже не прорычал, а прошипел страшный гость.

Долг взял верх над страхом. Вернее, даже соображение, что в гневе Малюта пострашнее иного выходца из потустороннего мира будет.

— Что встали, ироды! — заорал десятник. — Зажечь факелы! Открыть ворота государеву человеку!

¹ Сражение между шеститысячным русским войском под командованием И.В. Шереметьева против шестидесятитысячной крымско-турецкой армии. В результате татары вынуждены были отступить.

² Юшман — вид доспехов с закрепленными на груди крупными пластинами.

Застонала, поднимаясь, кованая решетка, закрипел засов. Обдавая стрельцов брызгами из-под копыт, пронеслись мимо опричники, похожие в ночи на ожившие густки мрака.

— К государю под Серпухов поехали, с татарами биться, — заметил вслед им один из стрельцов.

Десятник долго смотрел в ночь, где вскоре растворился уехавший отряд. «Дурная примета, — решил он, — видать, не жилец Григорий Лукьянович на этом свете. Да и с крымцами, похоже, худо будет». Поразмыслив, опытный воин решил завтра же отправить жену с маленьким сыном к родне под Кострому.

Когда отряд отъехал от ворот, Малюта приказал сбавить ход. Дорогу развезло. Не хватало еще, чтоб какой-нибудь конь поскользнулся и переломал ноги. И не дай Господь, если это будет одна из двенадцати лошадей, навьюченных тяжелыми сундуками.

С отрядом, помимо опричников, ехали тринадцать холопов, лично отобранных среди государевой дворни Скуратовым. Послушных, невеликого ума, но таких, которых никто не хватится. На них опричные черные плащи с капюшонами, но днем любой, даже невнимательный наблюдатель заметил бы, как неловко ездки держатся в седле. Слева от Скуратова ехал полный чернородый человек с добродушным и располагающим выражением широкого лица, которому, Малюта знал, поверило немало народу. И зря. Чернородый вызывал у Малюты тягучее и тоскливое ощущение

ужаса. Чего один взгляд стоит. Посмотрит — до нутра прожжет!

«Ну и компания, ну и погодка! Поскорей бы доехать!» — думал Скуратов, ежась под жгучими, словно плети, дождевыми струями.

— Уже по мосту едем, Григорий Лукьянович, скоро будем.

Малюта вздрогнул: неужели чернобородый и впрямь умеет читать мысли? Копыта застучали по дощатому настилу наплавного моста, ведущего на другой берег Москвы-реки.

— Осторожнее, коней берегите! — прикрикнул Скуратов еще раз, и отряд свернул направо, к широким воротам усадьбы.

Малюте меньше всего хотелось приводить эту нечисть к себе. Но чего только не потребует государева служба, а долг — превыше всего.

Во дворе опричники спешили и, не входя в дом, направились к неприметному невысокому деревянному строению, не то овину, не то курятнику. Отворилась ветхая дверь, запалили факелы и дорогие фонари со слюдяными стенками.

Крыша строения, по счастью, была крепкой. Малюта вытер широкой ладонью лицо, по которому ручьями стекала вода, и, выйдя на середину помещения,скомандовал:

— Здесь!

Несколько половиц легко поднялись, и взглядам открылась ведущая вниз каменная лестница. Он еще раз огляделся: семеро опричников, тринадцать холо-

пов, чернобородый — все, кто выехал с ним в эту ненастную ночь из Кремля, никого лишнего.

Проход перегораживала металлическая дверь, запертая огромным замком, который Малюта отпер не менее внушительным ключом, висевшим у него на поясе. Из подземелья дохнуло сыростью и непонятным сладковато-гнилостным запахом.

Низкий свод нависал над головами, с него стекали тягучие черные капли. Стены прохода — настолько узкого, что местами приходилось буквально протискиваться, — казалось, старались сойтись еще ближе, раздавить, запереть людей. Идти пришлось гуськом. Сундуки тащили за кольца, вделанные в торцевые стенки. Один человек спереди, другой сзади.

Еще дверь, еще один замок, и взглядам открылась большая квадратная комната, освещенная факелами, с зарешеченными клетями по периметру.

Опричники выпрямились, вздохнули вольнее — и тут же испуганно сбились в кучу. Вой, рев, проклятия летели из-за решеток камер. Какие-то странные, лохматые, отдаленно похожие на людей существа трясли прутья, бранились, умоляли, просто вопили что-то нечленораздельное. Чистенький, аккуратный старичок, примостившийся на табурете в одном из углов, при виде гостей вскочил, выхватил из жаровни кочергу и побежал по периметру комнаты, утихомиривая своих разбушевавшихся постояльцев. После низко поклонился Скуратову и жестами показал, что все, мол, в порядке.

Малюта вздохнул — насколько проще сейчас было бы безоружным остаться против всех этих изменников и лютых врагов, что государь поручил его особому надзору, чем делать то, зачем был послан. Но выбирать не приходилось, и он прошел к следующей двери.

Спустя несколько коридоров и спусков звуки, доносящиеся из темницы, окончательно стихли. А вместе с ними и все иные. Но тишина — казалось, желанная после криков и воплей — не принесла облегчения. Она вязко сомкнулась вокруг людей, поглощая их, заполняя собой все мысли.

— Душно-то как, — пытаюсь скрыть страх, сказал один из опричников.

Грехот пронесся по узкому коридору. Кто-то из холопов нечаянно выпустил кольцо сундука, и Яков Генден, опричник из немцев, сдержанный, спокойный, не любящий поганить язык, вдруг обложил его самыми отборными ругательствами. Люди сгрудились в коридоре, не решаясь тронуться дальше.

— Пошли. — Малюта тщательно взвел замок дорогой колесцовой пистолы, поднял фонарь, насколько позволял низкий потолок, и едва успел сложить пальцы для крестного знамения, как почувствовал холодную, даже через наруч, войлочный подбой и рубаху, хватку пальцев чернобородого, шедшего следом.

— Не надо этого, боярин, — тихо и ласково прошептал тот, — не шуми. Не то привлечешь внимание кого-то из обитателей сих «чертогов райских», ни крест, ни пистоль тебе не помогут. А если боишься, давай я первым пойду.

Опричник повел плечом, стряхнул с руки чужие пальцы и медленно, осторожно двинулся вперед. Стены и пол коридора изменились, теперь они были выложены не кирпичом, а крупными, почти в рост человека, грубо обтесанными камнями. Казалось, воздух стал жарким и плотным, а промокшая насквозь под ливнем одежда вдруг высохла и жесткой коркой прилепилась к телу. Малюта вытащил из-за пояса большой цветастый платок и принялся утирать обильно струящийся по лицу пот.

— Жарко тебе, — прошептал ему на ухо таинственный спутник, — потерпи. Сам знаешь, к каким местам мы сейчас близко.

Очередная преградившая им путь обитая листами металла дверь не имела ни замка, ни скважины для ключа. Закрыв ее собой от любопытных взглядов, опричник нажал на заклепки в установленном порядке. Первые мгновения ничего не происходило, но вот где-то за стеной зажурчала вода, зазвякало железо, и дверь медленно отошла в стену, открывая взгляду блестящие металлические полозья и зияющий тьмой коридор.

Малюта занес ногу, собираясь сделать шаг. И застыл. Опричника будто ударило в лицо молотом. Он захрипел, пытаясь пошевелиться. Чернобородый за его спиной сделал небрежное движение рукой, будто отталкивал кого-то. Внезапно освободившийся, Малюта с размаху растянулся на плитах коридора, едва сумев не разбить фонарь.

Колдун помог ему подняться на ноги.

— Иродово племя! — прошипел Малюта. — Государю вас всех разом сжечь следовало. Глядишь, не навалилось бы на нас столько бед.

— Поздно уже, голубчик, сделанного не воротишь. Мы люди скромные, царю-батюшке полезные. А ты не пугайся, это они тебя помнят, все семь раз по семь, кого ты тут лежать положил. Сердятся. — Чернобородый рассмеялся веселым бесшумным смехом.

— По твоему же наущению!

— Не по моему наущению, а по государеву приказу, для пользы дела. Ну, хватит. Вон люди на нас уже смотрят.

За дверью и коротким извилистым коридором обнаружился очередной зал, сухой, просторный, со сводчатым потолком. Пол был причудливо изборужден пересекающимися канавками.

— Сундуки сюда вот, у стен, а вон тот в середине, — велел Скуратов.

Пока холопы устанавливали сундуки, Малюта токсливым взглядом окинул стоявших в стороне опричников. «Молодцы один к одному, снаряжены как на тяжелый бой. Лучшие ведь из лучших здесь, и верные и умелые. Прости нас, Господи, за то, что творим!» Не торопясь подошел к ним, заговорил негромко:

— Ну что ж, братья, помните, что надо делать? — Дождавшись утвердительных кивков, продолжил: — Смилуйся над вами Господь. В Волоцком монастыре вечно за вас молиться будут. Службы вашей царь не забудет, нету ее превыше.

По его сигналу опричники быстро связали холопов, заткнули рты припасенными тряпицами.

— На пол кладите их, — засуетился колдун, — а сами вдоль стен на сундуки ложитесь. — Он сноровисто влезал в вывернутую наизнанку черную рясу, надевая ее задом наперед.

— Одежду нашу священную поганишь! — взревел Малюта.

— Так то ж для дела, Григорий Лукьянович. Посмотри вокруг. Вот то, что сильнее любых полков, дороже золота, — знание, премудрость. Она народами движет, землями повелевает. Полки в боях истают, золото закончится, а это останется. Неужто ты хочешь, чтобы это врагу цареву или изменникам досталось?! А защита моя крепкая, не сомневайся!

Опричник не ответил.

Пыхтел, готовился колдун, кто-то из холопов, догадавшись об уготованной ему участи, истошно завыл, даже сквозь кляп было слышно.

Скуратов отвернулся.

Когда чернобородый закончил, Малюта подошел к лежавшим у стены на сундуках телам. Лица мертвых посерели и заострились. Вместе с тем он не мог отделаться от ощущения, что вот сейчас они откроют глаза. О том, что тогда случится, и думать не хотелось.

— Григорий Лукьянович! — крикнул от двери колдун. — Давай! Пора!

Осторожно, стараясь не наступить в кровавые лужи на полу, опричник подошел к сундуку, вытащил длин-

ный и изогнутый стержень странной формы. Отвернувшись, на ощупь вставил его в замочную скважину, повернул. И, откинув крышку сундука, не оборачиваясь, бросился к выходу, чувствуя спиной страшную, завораживающую силу. Впереди слышался скрежет закрывающейся двери.

Он успел в последний момент. Протиснулся, царая пластины доспеха об косяк, и обессиленно сполз на пол.

— Силен ты, Григорий Лукьянович! Успел-таки, не затянуло тебя! — Чернобородый колдун радостно приплясывал, держа в руке факел. — Мы с тобой еще послужим государю. Мы тех татар...

В пустом помещении оглушительно громко хлопнул выстрел. На рубахе колдуна проступило красное пятно.

— Зря ты так, — начал было он. Вдруг глумливая ухмылка на его лице сменилась испугом и растерянностью, ноги подкосились.

— Это не свинец, — прохрипел Малюта, — не ты один чародействовать умеешь. Сам тут и посторожишь для верности. — Он поднялся, цепляясь за стену, вытащил из ножен саблю с широкой елманью¹ и с оттягом рубанул прямо поперек черной бороды.

В тот момент, когда колдун падал, забрызгивая одежды Скуратова густой темной кровью, Малюта

¹ Елмань — расширение на конце сабли для большей силы удара.

